

Diabolus

Осколки разбитой памяти

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

александр diabolus

Осколки разбитой памяти

«ЛитРес: Самиздат»

2019

diabolus a. x.

Осколки разбитой памяти / а. х. diabolus — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Цикл разнообразных рассказов, практически не связанных друг с другом, разные жанры, но с большим уклоном к ужасам, фантастике и мистике. Место действия – Россия, либо о русских персонажах. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Осколки разбитой памяти	9
Качели	12
С новым годом!	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Почти идеальная жизнь

Это произошло, как и всегда, рано утром, часов в пять примерно. С удовольствием втянув в себя больничный воздух, пропитанный медицинским спиртом, я заулыбался своими беззубыми деснами.

– Поздравляем, у вас мальчик, – проговорил знакомый голос. – Здоровенький и крепкий. Но сейчас вам нужно отдохнуть, мы позаботимся о нем.

Уже в другой палате меня как всегда помыли, обследовали и запеленали. Молодая медсестра осторожно положила меня на мягкую простыню и улыбнулась, аккуратно погладив по животику. А она была чертовски милая, пожалуй, стоит когда-нибудь ее найти, вдруг она все еще будет такой горячей штучкой, да и белый халатик вполне сгодится для игр. Бред, конечно, но возможно, когда-нибудь я это сделаю.

Пусть я был мал, мои кости хрупкие, словно яичная скорлупа, еще не скоро я смогу ходить и говорить, но все же охрентельно приятно вырваться из плена утробы матери. Кто знает, может, клаустрофобию подсознательно получают именно младенцы, с того времени, как мозг начинает свою жизнедеятельность, пробуждая страх позже, когда память уже не хранит воспоминаний из зародыша.

Одно я знал точно – дышать воздухом – это прекрасно, жаль, что не могу сходить отлить на своих ногах, но тут уж придется подождать. Сейчас можно просто насладиться простым человеческим сном.

* * *

– Давай, давай мочи этого козла!

– Убей сука.

– Давай.

Под подбадривающие выкрики дружков он чувствовал себя в своей тарелке. Перед Рыбой стоял очередной второклассник, которого он решил заложить перед другими. Завтра он проделает то же самое с Никиткой из моего класса. Он запинаят его за школьным туалетом, но и этого ему будет уже мало. Он достанет свой стручок и напишет на мелкого, прямо перед всеми пацанами младшей школы. Так начнется тяжелый путь к белой смерти.

На Никитку все будут тыкать пальцем, высмеивать его. Уже постарше тот же Рыба забереет у него первый раз деньги, в старших классах, навсегда закрепив на паренке участь школьного лоха. Лет в четырнадцать Никитка попробует нюхать бензин и познакомится с миром грез и ярких воспоминаний. Планчик, конечно, уже тоже будет не в новинку, но он не будет успокаивать до забытья. Так парень и проживет до десятого класса – в школе издевательства, во время которых он просто будет отключать свой мозг и делать вид, что все происходит не с ним. А на улице его ждет спасение в бензине, клее и таблетках. Потом воровство, ханка и крокодил, который сожрет парня изнутри, оставив лишь пустую оболочку, которая захлебнется собственной блевотиной.

Так было бы, если бы сегодня перед Рыбой стоял обычный второклассник. Но ему не повезло.

Рыба схватил меня за грудки, но прежде чем он успел нанести хоть один удар, острое лезвие «бабочки» дважды ужалило его в горло, пробивая артерию. Захлебываясь кровью, он отступал, недоуменно смотря на меня.

Я, обернувшись к его дружкам, угрожающе размахнулся, и они просто бросились наутек. Я же стоял и смотрел в глаза умирающему школьному хулигану. Бросив нож на землю, я оставил Рыбу умирать. Перчатки я скинул в канаву неподалеку от стройки, после чего отправился домой. Успею посмотреть новую серию Горца, прежде чем доблестная милиция меня навестит. Что сказать им я отлично знал. Я бродил по стройке, когда увидел, что дружки держат Рыбу,

пока Митяй снизу бьет его два раза ножом в горло. Я буду говорить, как испуганный ребенок, менты не усомнятся в моем рассказе. С одной стороны скромный второклассник, с другой – местные отморожки. Тем более еще вчера днем я стащил бабочку из портфеля Митяя.

* * *

Что ни говори, но я обожаю свой выпускной! В этот раз я наотрез отказался пить водку, ибо знал, что окажусь дома в обнимку с тазиком раньше, нежели мои одноклассники встретят рассвет на высоком виадуке, за пределами поселка.

– Давай, чтобы вступительные не провалились! – протягивая стакан с пивом, радостно кричал Никитос.

– Давайте! – поддержал я, чокнувшись с ним и его девушкой Наташкой.

Экзамены у нас с ним пройдут отлично, я уже год, как каждый день читаю ответы на билет, который вытяну на вступительном. Никитка-то сдаст любой билет, только он умудряется оставаться ботаном, особо не напрягаясь, прочитает параграф один раз и все, запомнил, может смело идти на улицу. А я хоть учился и хорошо, точно уже не помнил, мог ли я это делать своими силами, полагаясь лишь на то, что конкретно знал, когда и что меня спросят, и учил ответы за ранее.

А вот с Наташкой ему не повезло, она провалит экзамен, через месяц они расстанутся. Она умотает в большой город, пропав навсегда. Лишь через десяток лет, когда Никита будет женат на Лариске, воспитывая сына, он мне признается, что слухи о Наташке доходили до него весьма неприятные. Его старший брат примерно через пару лет от сегодняшнего дня будет отдыхать с друзьями в сауне, закажут девочек. И среди них будет сами догадываетесь кто.

Но расскажи ему это сейчас, я точно схлопочу по морде, поэтому пусть пока радуется жизни.

По сути, я могу и не учиться в институте. Заработать денег себе могу, особо не напрягаясь. Скоро Олимпиада в Афинах. США возьмет первое место, забрав тридцать шесть золотых и тридцать девять серебряных. Я могу поставить на это, как и многое другое. Мне никакой док Браун не запретит использовать спортивный альманах, но если я не поступлю на учебу, то не познакомлюсь с Фанией. А я должен был это сделать, иначе она не приведет Лариску к себе на днюху, в результате чего Никитка не заделает с ней пацана, и тот не родится. Все сложно, верно?

* * *

Я шел по парку, наслаждаясь летним солнечным днем. Темные зеркальные очки скрывали глаза от мира, а я же наслаждался вкусным пломбиром. День сегодня вообще начался довольно интересно. Я встретил свою девушку, с которой в другой жизни прожил два долгих года. Я сводил ее в кино, мы посидели в кафе, попили ее любимый кокосовый раф и разошлись. Больше ее, к счастью, никогда не увижу. Милая особа сначала потом превратится в жуткую стерву, сосущую мою жизнь и деньги. А в итоге начнет трахаться со своим начальником, с которым я ее и застукаю. Повтора такого счастья мне не надо, да простит меня бог, если он, конечно, существует, за то, что я подкинул ей добрую порцию пургена в ее дурацкий кофе.

Далее я съездил на набережную, где понаблюдал немного за темноволосяй девушкой, одетой в зеленое платье. Она сидела на лавочке и читала книгу. Я сидел рядом и делал вид, что тоже читаю книгу, изредка бросая на нее взгляды. Сердце бешено колотилось где-то внутри, мне так хотелось обнять эту девушку и прижать к себе, но нельзя. Пока нет. С этими мечтами я и потерял счет времени, иначе как еще объяснить, почему я не ушел перед тем, как появился ее парень.

Отложив книгу, она бросилась его обнимать. Ревность пеленой накрыла мое сознание. С трудом преодолев желание скинуть паренька в речку, я, сплюнув, оставил его наедине с матерью моих будущих детей.

Почему я не попытался завоевать ее доверие раньше положенного срока? Еще как пытался, я знал о ней абсолютно все. Ее интересы, вкусы и предпочтения. Я использовал все эти знания, но в результате ничего не вышло. Я провел свою жизнь вдали от нее, с другими женщинами, так никого не полюбив. Черт поймет эту вселенную, но одно я усвоил наверняка – если я не хочу испортить того, что мне было дорого когда-то, я не должен торопить событий и что-то менять. Я попробовал завоевать ее сердце на шесть лет раньше, чем это уже происходило, но в результате остался один. А еще произошла авиакатастрофа, самая крупная в истории страны – около ста пятидесяти погибших. Я не знал, как наше знакомство на это повлияло, но факт остается фактом. Каждое мое действие меняет не только одну конкретную ситуацию, оно меняет историю в целом. В этот раз я изменил лишь одно – спас Никитку, убив при этом паразита. И хрен его знает, что произошло в результате этого вмешательства.

Однажды я стал богатым, но погибла моя жена. Она просто поскользнулась в ванной и разбила голову о раковину. Я знаю не понаслышке, что прожить остаток отмеренных лет, помня, что когда-то мы уже прожили счастливую жизнь, самое ужасное, что может быть. Поэтому в этот раз мы ее повторим именно в том варианте, что был проверен. Но не изменить вообще ничего я не мог.

Вот и они. Мужик лет сорока ведет маленькую девочку за руку, а в другой она держит сладкую вату.

– Извините, ребята, приглядите за девочкой, – обратился я к случайно проходящей мимо паре.

Далее я, подойдя к мужчине, осторожно втиснулся между ним и ребенком.

– Что тебе нужно? – недоуменно спросил он.

– Ты знаешь, что.

Прежде чем ответить, он посмотрел мне в глаза. Не знаю, что он там увидел, но, попятившись, мужчина попытался скрыться. К этому я был готов. В два прыжка настигнув его, я, вложив все силы, нанес прямой удар в подбородок. Щелкнув зубами, он осел на асфальт. Я же, не церемонясь, зарядил ему по лицу ногой.

Так я спас первую жертву маньяка, которого позже прозвали бы детским Потрошителем. Из этого прозвища, думаю, ясно, что он сделал бы с двадцатью жертвами...

* * *

Мне оставалось жить сорок три дня, когда внуки приехали меня навестить. Я погладил Женьку по голове, совсем как в те годы, когда он еще и читать толком не умел. Нельзя, конечно, выбирать себе любимчиков, но я ничего не мог с этим поделать. Серегу я тоже любил, но со старшим у меня всегда была особая связь. Конечно, этого не знал никто, кроме меня, но факт оставался фактом. Сейчас ему уже за тридцать, он завоевал свое право жить, к сожалению, с большим трудом. В первый раз я его хоронил еще младенцем – ему "посчастливилось" родиться в новогодние праздники. По невнимательности подвыпивших врачей новорожденный умер. В итоге я настоял, чтобы моя невестка рожала в дорогой частной клинике. Все прошло отлично, и я вздохнул с облегчением. Но в девять лет его сбил лихой водитель, когда внук возвращался из школы домой. Я прожил очередную жизнь, пропитанную скорбью, чтобы предотвратить и это. И вот теперь со спокойной душой я мог уйти из этого мира, чтобы... Чтобы что? Будет видно.

– Ну как ты? – спрашивает заботливая жена, протягивая мне эти мерзкие пилюли.

Послушно взяв лекарство, я проглатываю их, с трудом пропихивая в горло, выпив при этом весь стакан воды.

– Отлично. Эй, а ты знаешь, как сильно я тебя люблю?

– А то бы не знала. Хватит уже болеть, завтра первые колонисты достигнут Марса, ты хочешь лежа смотреть новости, которые столько времени ждал?

Увы, мне не суждено узнать, как закончится мировая космическая миссия. Не знаю, от чего именно, но сегодняшней ночью я умру. Во сне, без мучений, многие могут об этом лишь мечтать.

Остаток дня она провела рядом со мной, сидя в кресле. А я все время повторял, как сильно ее люблю.

– Ну, спокойной ночи. Завтра попробуем погулять.

– Сладких снов... – отвечаю я, закрывая глаза.

В следующий раз я открыл их через девять месяцев. Та же больница, тот же запах спирта...

– Поздравляем, у вас мальчик.

Та же медсестра, та же комната, та же жизнь. Мне было суждено пройти через все заново. Может, на этот раз все пройдет более идеально?

Осколки разбитой памяти

*То, ради чего стоит быть в этом мире,
Через боль переступая – это Жизнь и Свобода.
То, что дано каждому из нас,
У каждого есть свой шанс – это Жизнь и Свобода.
То, что важнее любых слов, любых понятий и суждений —
Это Жизнь и Свобода.
То, что придаёт нам силу творить и любить —
Это Жизнь и Свобода... (1)*

– Домой пора двигать, – сделав магнитофон тише, сказал Миха. – Саня, че там по часам?
– Девять доходит.

Закинув ноги на перила, я достал из кармана смятую пачку сигарет и вытащил одну. Саня тут же черкнул по джинсам кресалом Зиппы, которую крутил в руках.

– Понторез, – усмехнулся я, прикуривая от пляшущего огонька.

Мы продолжили сидеть на деревянных ступенях крыльца. Летние каникулы подошли к концу, завтра начинается новый учебный год. Книги за девятый класс куплены, но настроение познавать науку уходило все дальше и дальше от нас. Сегодня мы, как и каждый день, зависали на этом крыльце художественной школы, которой не посчастливилось расположиться в нашем маленьком райончике. Днем сюда приводили малышня для занятий, а вечерами это место становилось нашим.

Примерно через полчаса мы увидели приближающуюся фигуру. Миха, схватив свой мафон, пошел навстречу к ней.

– Здравсьте, дядь Сереж! – в голос поприветствовали мы Михиною отца.

– Здравова, пацаны, – приветливо ответил он.

Мишка, подойдя к нему, весь сжался, опустив глаза. Отец смерил сына холодным взглядом и молча развернулся. Миха последовал за ним, на прощание махнув нам рукой.

– Пиздец. Всего полдесятого! – сказал Саня, посмотрев на часы. – Как малого загоняют.

– Ладно загоняют, сейчас еще и отпиздит его.

– Думаешь? Хотя че там думать...

Вдвоем мы просидели там до полуночи, после чего разошлись по домам. Я все это время не переставал думать о Мишке и методах воспитания его отца. Он бил за все – задержался на улице, получил четверку или не дай бог тройку. Про двойку я вообще молчу. Однажды Миха даже сбежал из дома, чтобы не показывать дневник. Ух его отец тогда лютовал...

– Где Миша? – сквозь зубы процедил он.

– Не знаю! – жалобно ответил я, болтая ногами в воздухе.

Дядя Сережа был здоровенный мужик, как гора. Представляю, насколько мелким выглядел я, когда он поднял меня за шкуру.

Продержав так меня пару минут, словно нашкодившего котенка, он наконец опустил руку вниз, скорее всего, не поверив ни единому слову.

– Ладно, если сможешь, передай ему, чтобы возвращался домой. Ничего ему не будет, пусть не боится.

И я передал тогда, Мишка через три дня вернулся домой. И это был единственный случай, когда отец не наказал его. Но продлилось это недолго...

Повернув ключ в замке, я зашел домой. Родители не спали, и, судя по ругани, доносившейся из кухни, я понял – вот теперь начались проблемы с моим отцом. Опять.

Дверь кухни открылась, и ко мне навстречу вышла заплаканная мачеха.

- Все, началось? – тихо спросил я.
- Да. Вернулся сегодня с работы...
- Лешка че, там?
- Отвела к бабушке, у нее переночует.
- Лешка – это мой младший брат, ему всего три года.
- Ты остаешься? – посмотрев ей в глаза, спросил я.
- Ну а куда я денусь?

Кивнув, я ушел в свою комнату. Включив телевизор, я засунул в видеомагнитофон первую попавшуюся кассету. Мне было без разницы, что смотреть, лишь бы не сидеть в тишине. Ведь спокойной жизни пришел конец, это я осознавал точно. Прошло всего четыре месяца с тех пор, как отец в очередной раз закодировался. Но я надеялся, что это навсегда. Я даже не знаю, кто хуже – такой отец, как у Михи, или же мой собственный, когда пьет. Ведь под алкоголем он уже не мой отец. А кто-то другой, даже что-то другое...

Загремела посуда, донесся крик мачехи. Я бросился к ним, сердце в бешеном ритме вырывалось из груди. Страшно подумать, что могло произойти, не будь тогда меня дома.

- Папа, что ты творишь? – кричал я, открывая дверь в ванную.

Я двумя руками схватил его за кулак, сжимающий кухонный нож. Он занес его над мачехой, повалив ее на ванну. Я что есть сил тянул сжатую руку на себя, не давая ударить. Через какое-то время белена слетела с его бешеных глаз, и он расслабил руку, опустив ее.

Мачеха громко рыдала, а отец молча побрел в родительскую комнату. Этой ночью мачеха собрала свои вещи и ушла. И мне было не за что осуждать ее. Я тоже мог уйти к бабушке, жила она в соседнем доме, но остался дома.

* * *

Первый школьный день мы решили прогулять. Предложение поступило от Михи, а я и Саня были совсем не против. Уходить далеко от моего дома не пришлось, мы просто залезли на чердак, где нас уже ждали подготовленные лавочки, которые мы соорудили еще весной.

- Ну че, батя сильно лютовал? – спросил Саня у Миши.

– Мать, сука, ударил. Я хочу вальнуть его, – дрожащим голосом поделился он. – И это не шутка, пацаны, уснет, и я ебну его топором по голове.

- Завязывай, – сказал Саня.

- Завалю, встану на труп ногой и покурю. Надолго не закроют, я малолетка.

- А о матери ты подумал? Что с ней будет? – протягивая сигарету, спросил я.

- Только это и держит, – затаившись, ответил он. – Ладно, че сам-то загруженный?

Я рассказал им о прошлой ночи.

– Ну, у меня с этим проще, батя только бурогозить начинает, его брательник сразу пиздит. Че ты к бабуле не свалишь?

Услышав вопрос Сани, я лишь пожал плечами.

А в самом деле, почему я упорно продолжал терпеть отцовские запои, ведь это уже было не в первый раз. Когда отец трезвый, он хороший человек. Ни разу не поднял на меня руку, как дядя Сережа, даже в те моменты, когда действительно стоило вломить мне, ибо ребенок я был не совсем простой в воспитании. Моя старшая сестра давно уже перебралась к бабушке, но ее судить было не за что. Ей приходилось куда хуже, чем мне. Когда мама умерла, мне было семь лет, отец был рядом. А что было с ее отцом, никто не знал. Быть может, он вновь посетил казенный дом, а может, и вовсе давно помер.

Мачеха была старше меня лет на тринадцать. Вообще, стоило отдать должное ей за то, что она в принципе не побоялась вступить в семью с мужиком с уже немаленьким сыном. Но сейчас ушла и она, скорее всего, чтобы мой маленький брат незнакомился с тем существом,

которое заменяло нашего отца, пока тот был залит белым ядом. Мог уйти и я, но что бы тогда было с ним?

Так мы и жили – днем школа, улица. Вечером существо, которое я должен сторожить. Он бил посуду, приводил стремных друзей и засыпал ночью, чтобы утром отец смог сходить на работу и вновь уступить свое тело твари. А позже он уже не мог даже спать. Я лежал в комнате с открытой дверью и слушал. Иногда он нес какую-нибудь околесицу, иногда вставал и ходил по дому в поиске ножа или веревки. Я прятал все, чем он мог навредить себе. Однажды я задремал, но резко проснувшись, вскочил, словно чувствуя, что что-то не так. Забежав в ванную, я увидел, как отец привязывает шнур кипятильника к трубе. Я ничего не сказал, но этого не требовалось. Отец посмотрел на меня и, молча бросив кипятильник, ушел спать. Он не был трезв, но и не был пьян, что-то между. Зачем он хотел навредить себе? Чтобы убить тварь?

Через пару месяцев он закодировался вновь, мачеха и брат опять жили с нами, а я наконец мог спать за закрытой дверью, бросив свой пост.

* * *

Мы сидели и слушали раскаты грома. Дверь подъезда была слегка приоткрыта, чтобы дым от сигарет вытягивало на улицу. Нас опять было трое, на улице осенний дождливый день, но сегодня все было иначе, как минимум для Мишки.

Мы сразу поняли по его лицу, что случилось что-то, но не решались спросить. А Михе понадобилось около десяти минут и пара глотков пива прямо из полторашки, чтобы наконец-то поделиться с нами.

– Отец умер, что-то с сердцем, – наконец выдал он.

Сбылась мечта Миши, больше никогда дядя Сережа не накажет его за четверку в дневнике, за опоздание на пару минут. Его мать сможет без страха заходить домой, не ожидая удара по лицу за неправильный взгляд. Они были свободны.

Но почему тогда Мишка сидит и плачет?

1) Группа «Многоточие»

Качели

– Папа сильнее, еще сильнее!

Скрип перемешивался со звонким смехом дочери. Черт, опять не успел смазать качели. Впрочем, это меньшее, что я упускаю, пока моя дочь растет. Во время нашей прошлой встречи ей был всего годик. А в следующий раз, если повезет, я отведу ее в первый класс через пару лет...

– Папа, мама говорит, ты опять полетишь к звездам.

Ну, раз мама говорит, значит, уже можно рассказать дочери о своей работе. Немножко.

– Есть очень далекая звездочка. Она примерно такая же, как наше солнце. И вокруг нее примерно на таком же расстоянии, как мы от своего солнышка, крутится планета.

– Такая же, как наша?

– Ну, почти. Там тоже есть кислород, необходимый для дыхания, температура, при которой можно жить. Вот только там нет такого вкусного мороженого, как у нас.

– А люди там хорошие?

– Очень хорошие. Самые умные ученые земли, которые добывают там минералы – очень полезные камни, спрятанные в земле, которых нет на нашей планете. А своих живых жителей планета не имеет, разве что только малюсеньких бактерий.

– Но папа, ты же не ученый, что тебе там делать? Там же нет врагов, которых нужно убивать.

Видно, дочь слышала от матери не только о полетах в космос. Нужно будет провести с ней беседу.

– Дорогая, работа военных заключается не в том, чтобы кого-то убивать, а скорее в том, чтобы не было войн. Моя задача охранять ученых и их исследования.

– Но от кого, ведь ты говоришь, что там только маленькие бактерии... Неужели от них? Худший враг человека – это он сам. Но рановато такое говорить ребенку.

– Конечно, им никто не угрожает, просто так нужно по правилам, на всякий случай.

Новый скрип качели резко оборвался, а в глазах помутнело. С трудом разлепив свинцовые веки, я попытался сесть. Вышло это не сразу, лишь минут через пять.

Помещение вокруг анабиозной капсулы освещалось скудным аварийным освещением. Что-то явно шло не так...

Мигали аварийные огни, но звука сирены не было слышно. Покачиваясь, я вышел в коридор и подошел к соседней камере. Она была закрыта, что было странным – мы все должны были проснуться одновременно после годового полета назад, домой.

Дисплей с показателями жизненного процесса не работал, как и десятки других, установленных рядом с дверьми в другие камеры.

Это могло означать два варианта. Первый – человек уже вышел, и камера выключена. Или...

С моим командиром произошел второй вариант. После того, как я вручную открыл камеру, в нос ударил резкий запах гнили. Света красных ламп хватило, чтобы разглядеть в капсуле практически разложившийся труп.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы вскрыть остальные камеры и убедиться, что единственный выживший на корабле – лишь я.

Коридор также освещался редкими лампами, но я отлично знал корабль, чтобы не заблудиться здесь даже вслепую. Беспокоило меня другое – дышать становилось все тяжелее, голова жутко болела.

На мостике стояла громовая тишина, нарушаемая редкими сигналами аппаратуры. Забравшись в кресло капитана, я первым делом проверил состояние корабля. Мои опасения подтвердились. Система жизнеобеспечения практически вышла из строя. Когда я проснулся, компьютер автоматически ее включил, мне повезло, что она вообще запустилась, иначе я просто бы задохнулся после открытия капсулы. Но подобная перспектива не была позади. Уровень кислорода составлял три процента, что означало, что у меня осталось минут двадцать, чтобы надеть скафандр.

Работал лишь один двигатель, который направлял нас в сторону Земли. Чудом мы смогли закончить свой полет на сверхсветовой скорости. Хотя двенадцать человек моего экипажа вряд ли согласятся назвать все происходящее чудом...

Связь не работала, системы отказывали одна за другой. А за иллюминатором корабля уже виднелась Земля. Управлять кораблем я не мог. Автопилот ушел в отказ, мы по инерции дрейфовали в сторону планеты.

Последняя система отказала, когда я, наскоро нацепив скафандр, пробираюсь к аварийным капсулам. В борта корабля то и дело врзался космический мусор, что еще быстрее приближало его гибель. Первая пробоина образовалась как раз в тот момент, когда я, используя лом, вскрыл последнюю дверь. Корабль разваливался на части, все ближе и ближе приближаясь к Земле, но я уже был внутри капсулы, которая, отделившись от борта, падала вниз словно метеорит, которого пожирает наша атмосфера...

Падение нельзя было назвать идеальным, хотя парашюты и работали исправно. В момент удара я здорово приложился головой о приборную доску и отключился.

Придя в себя, я потянул рычаг выхода... Капсула угодила в водохранилище, но самое главное – скинув шлем, я разглядел по обоим берегам большие здания. Это ли не везение? Выжил в капсуле анабиоза, смог спастись из корабля, так еще и упал рядом с людьми, по случайности не рухнув прямо на улицы города. Остается лишь ждать спасателей, они вот-вот должны прислать за мной катер.

Но прошел час, а ко мне так никто и не пришел на помощь. Неужели люди не заметили падающий космический аппарат среди белого дня?

С каждой минутой течение уносило капсулу все дальше. Ждать я больше не собирался. Скинув скафандр, я отыскал надувную шлюпку среди вещей первой необходимости. Потратив пару часов на борьбу с течением, я наконец-то смог выбраться на берег, после чего пошел в сторону городских улиц.

И увиденное не обрадовало меня так, как я надеялся. Бетонные здания, тротуары и дороги были сплошь заросшие кустами, деревьями и травой. Среди растительности часто попадались автомобили, которые также обвивали своими крепкими объятиями плющи.

Тишины вокруг не было. Щебетали птицы, устроившие свои гнезда на крышах строений, посреди дороги пробежал еж, а из-за угла станции метро за мной наблюдала стая собак... Очень крупных серых собак...

И это был русский город, судя по знакам автомобилей, я находился в пятьдесят четвертом регионе нашей огромной страны.

Я забегал в здания, чтобы обнаружить лишь заброшенную пустоту. Запыленный товар лежал на полках магазинов, столы в кафе занимали свои обычные места, за тем лишь исключением, что ни один человек не сидел за ними ни сейчас, ни десяток лет назад...

Я обыскивал город весь день, до глубокой ночи, но так и не смог найти следов кого-то живого из людей.

На третий день в одном из домов я отыскал солнечную электростанцию. Провозившись с ней довольно приличное время, я смог запустить ее ровно настолько, чтобы понять, что до этого города не доходят никакие радио или даже спутниковые сигналы. Или же, что более вероятно, эти сигналы теперь никуда не доходят, ровно, как и не исходят.

Еще в этом доме были качели, старые, заржавевшие. На них я встретил четвертый закат своей родной, но такой чужой планеты.

Когда я начал раскачиваться, петли жалобно скрипнули, а за спиной я услышал знакомый детский голос:

– Папа...

Но обернувшись, я посмотрел в глаза лишь пустоте...

С НОВЫМ ГОДОМ!

– Дорогие друзья! До наступления Нового года осталось всего несколько секунд...

И кто только придумал эту традицию? Я смотрю на них, крепко держа фужер шампанского в руке, как и они. Но вот только на лицах друзей улыбки, в глазах огоньки. И я тоже улыбаюсь, но всем своим нутром испытываю лишь ненависть и грусть.

– Желаю всем здоровья, любви и счастья! Пусть рождаются дети, реализуются все добрые помыслы...

И каждый год одно и то же. Слова-то в эфирах глаголят верные, но знают ли они там, сверху, что происходит по другую сторону экранов?

– Пусть в каждом доме, в каждой нашей семье царят радость и согласие...

Мои пальцы побелели. Кажется, еще немного, и фужер бы не выдержал и рассыпался на мелкие осколки, как некогда и моя вера в семейную радость.

Начала боя курантов я не услышал. Реальность обрушилась на меня, словно я вынырнул из-под воды. Свист и визг друзей смешался со звяканьем посуды. Я присоединился к ним, протягивая свое шампанское, но мысли уносили меня все дальше и дальше назад, на двенадцать лет...

* * *

Холод пробирал до самых костей. Как бы сильно мне ни хотелось идти домой, перспектива задубеть тоже не слишком радовала. Праздник на главной площади поселка подошел к концу, но люди не спешили расходиться. Дети катались с большой деревянной горки, родители же нетерпеливо смотрели на часы, предвкушая скорую встречу с холодной водкой, игристым вином и тазами с оливье.

Среди них я был один, не похожий на других детей, но это не делало меня более примечательным – скорее наоборот, еще более незаметным. Но я этому был лишь рад. Обычно когда другие мальчишки меня замечали, они считали нужным отвесить подзатыльник или смеха ради разбить нос. Девчонок же это зрелище радовало не намного меньше. Поэтому сейчас, когда они были заняты праздником, я мог спокойно побыть среди людей и почувствовать себя простым ребенком.

– С годом змеи, малец! – кто-то осторожно хлопнул меня сзади по плечу.

Вздвигнув, я медленно оглянулся, невольно подумав, не получу ли снежком по лицу. Но все обошлось. Позади стоял дед мороз, держа в руке синий мешок. Ну, естественно, это был не добрый дедушка с северного полюса, а всего лишь какой-то мужичок, от которого разило свежим перегаром, но тем не менее он протягивал мне мандаринку.

Вытащив дрожащую руку из кармана, я взял угощение.

– Пусть этот год станет для тебя особенным! Что же ты без рукавичек? Простудишься.

Ничего не ответив, я побежал прочь, так как пара ребят из школы начали на меня коситься, о чем-то перешептываясь.

Отбежав подальше от праздника, я обернулся. Мои страхи оправдались – эти двое бежали за мной следом, словно гончие собаки, учуяв добычу.

Что есть сил я бросился в сторону дома. Что-то, но бегать за эти годы я прекрасно научился.

Со всех ног я несся через заснеженные дворы двухэтажек. Парни не могли меня догнать, но и не теряли из виду. Перебежав дорогу, я продолжил свой кросс по тротуару, вдоль частных домов. Ребята бежали следом, свистя и улюлюкая. Вот моя улица, я уже вижу свет в своем ветхом домике. Мне оставалось лишь повернуть к нему и влететь за ворота, но... на повороте

меня занесло на скользкой дороге, и я кубарем повалился на землю. Удар был мягкий, так как территорию за оградой у нас никто не потрудился очистить от слоя снега.

Я только приподнялся, намереваясь вскочить, как первый из ребят с разбегу ударил меня ногой в грудь. Дыхание перехватило, и меня опрокинуло на спину. Я закрывал и открывал рот, как выброшенная на берег рыба, не в силах вдохнуть воздух. Но этого казалось им мало, они продолжили пинать меня, намереваясь попасть по ребрам.

Вскоре им это наскучило, и они оставили меня лежать в снегу, скручиваясь от боли. Сквозь слезы я увидел, как кто-то проходит мимо меня к дому.

– Отец... – кое-как выдал я из себя.

Но меня не услышали. Или не захотели услышать.

Минут десять еще я приходил в себя. Наконец дышать стало легче, и я, шатаясь, поднялся на ватные ноги. По лицу текли слезы, перемешиваясь с кровью и соплями. Протерев лицо снегом, я, окончательно отморозив руки, побрел домой.

Уже в сенцах я услышал пьяный гул. Войдя, я застал своих маму и папу в компании еще двоих собутыльников. Новогодний праздник посетил и наш дом. Нет, они не наготовили горячих блюд и закусок, у нас дома праздник отмечался по-своему. Клубы дыма как туман стояли посреди комнаты, под ногами вались окурки и пустые чебурашки. Родители со своими гостями сидели за столом, разливая по стаканам дешевый самогон, который, должно быть, и нес мой отец, проходя мимо избитого сына.

– О, явился. Ты почему в таком виде? – заплетающим языком спросила мать, с трудом сфокусировав взгляд на мне.

Я, ничего не ответив, уже было прошел мимо них в сторону комнаты, когда отец схватил меня за локоть.

– Почему не отвечаешь матери, щенок?

– Отпусти! – посмотрев ему в глаза, сказал я.

– Серега, да пусть идет, наливай.

– Ебальник закрой, рыжий. Не видишь, я сына воспитываю.

Я силой вырвал руку, едва не повалив отца с фляги, на которой он сидел.

– Ты охуел? – вставая, зарычал отец. – Я тебя порву, сученок!

– Попробуй, – спокойно ответил я, без страха, сжимая кулаки.

Отец, опешив, замолчал, как и все присутствующее. Не знаю, что именно, но что-то в ту секунду изменилось. Обычно отец избивал меня даже за неправильный взгляд. А я в свою очередь жил в вечном страхе. Перед родителями. Перед другими ребятами. Но сегодня во мне что-то надломилось, словно те двое парней из школы разбили во мне чувство страха, пиная по ребрам. Больше я не стану терпеть унижений, ни от отца, ни от других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.